

Александр РАДЬКОВ

Мой физмат

(Отрывки из книги)

(Працяг. Пачатак у № 54, 60.)

ЧЕБОТАРЕВСКИЕ

Чеботаревские так же "переплетены" с физматом Могилевского пединститута, как и Радьковы. Первым из этой семьи поступил сюда Борис, а затем и его брат Михаил. А в нашей семье первым стал осваивать этот факультет я, а затем сюда пришли и три моих брата — Володя, Николай и Виктор. И своих жен мы с Борисом нашли на нашем физмате, и близких друзей. Вместе осваивали научные вершины, писали статьи и учебные пособия, читали студентам одни и те же курсы лекций, друг за другом заведовали одной и той же кафедрой. По сути, физмат стал для всех Чеботаревских и Радьковых родным домом.

Когда я поступил на 1 курс, Борис Чеботаревский учился на 3 курсе. В первый год учебы я его толком не видел, следовательно, и не знал. А на 2 курсе я уже жил в общежитии, во дворе которого была спортивная площадка, и там по вечерам наш преподаватель геометрии А.К.Лапковский постоянно играл со студентами в баскетбол. Там я и заметил двух спортивного вида, рослых студентов, игравших заметно лучше остальных. Это были студент геофака Федор Шупик и Борис Чеботаревский. В отличие от внешне нескладного Федора, Борис был очень гармонично сложен: высокий, с рельефной мускулатурой и правильными пропорциями. Я с удовольствием смотрел, как он играет, придерживаясь силового баскетбольного стиля.

Сам же я в то время занимался волейболом, поэтому ни по учебе, ни по спорту мы с Борисом не пересекались. В активной общественной работе я Чеботаревского тоже не видел, и в студенческих стройотрядах мы были разных. В то же время мы все знали, что Борис хорошо учится, увлеченно занимается геометрией под научным руководством А.К.Лапковского, поэтому никого не удивило, что он был рекомендован в аспирантуру по этой специальности. Чеботаревского после окончания физмата, до поступления в аспирантуру, оставили работать в институте, а не отправили в сельскую школу, и его тут же призвали на службу в армию. Аспирантуру Борис заканчивал уже после службы.

Борис учился на 3 курсе, я — на 1-м, а между нами, на 2 курсе, училась Тамара Белягова. С ней я тоже познакомился на 2 курсе, в общежитии. В нашей комнате жил Петр Шамборкин, и он решил заниматься велосипедным спортом. Эта спортивная секция на физмате была очень популярна. До института Петр на велосипеде катался только по своей деревне в Горьцком районе, тактики шоссейных гонок не знал, спортивным велосипедом владел слабо, поэтому после тренировок и соревнований приходил весь в синяках и ссадинах, мои его всего покрывали зеленой и с ужасом наблюдали, как он по утрам отдирает от своего тела простыни. Однако залечив свои кровотокающие раны, Шамборкин опять садился на велосипед, и все повторялось. Петр и познакомил нас с некоторыми велосипедистками. Мы относились к ним с искренним уважением, понимая, что в велосипедные "завалы" на шоссе эти девушки попадают так же регулярно и с такими же последствиями, как и Шамборкин. Может быть этим мужеством и были приметны студентки из велосипедной секции, но, думаю, были и другие причины их привлекательности. По крайней мере, на одной из них, Зинаиде Будник, женился Иван Швед, живший в нашей комнате, а на второй, Тамаре Беляговой, — Борис Чеботаревский.

Вместе с Тамарой учились мои студенческие друзья: Валерий Барашков, Володя Ефимов, Василий Галактионов, Николай Белый, Николай Головач и многие другие. Это был очень интересный, по-своему колоритный курс. С парнями этого курса мы ездили в стройотряды по Беларуси и в Казахстан, занимались в спортивных секциях, участвовали в художественной самодеятельности (с Барашковым и Галактионовым мы даже стали лауреатами институтского вокального конкурса), а Ефимов, когда мы собирались на очередную студенческую вечеринку, всегда был с гитарой. Тамара была в этой компании, поэтому и ее я помню со

студенчества. Думаю, что там же ее заметил и Чеботаревский.

Пока Борис служил, Тамара по распределению уехала работать в сельскую школу Быховского района. К тому времени они с Борисом уже встречались, но серьезных намерений с его стороны, как утверждала сама Тамара, она не наблюдала. А тут в деревне молодую, симпатичную учительницу математики приметил видный холостой агроном, и вот он-то не скрывал своих чувств и планов на обустройство семейной жизни. Но развития этот роман не получил. Демобилизовавшись из армии, Борис сразу же поехал в ту деревню к Тамаре. После автобуса шел к ней еще 12 километров пешком. Предложил выйти за него замуж и ... ушел назад той же дорогой.

Нам потом Тамара рассказывала, что всю ночь не сомкнула глаз — думала о своей судьбе. Свой выбор остановила на Борисе. Вот так наш физмат пополнился еще одним преподавателем — Тамарой Матвеевной Чеботаревской.

Борис учился в аспирантуре БГУ у знаменитого геометра профессора Василия Ивановича Ведерникова. Физматовской подготовки, врожденных способностей и упорного трудолюбия хватало Чеботаревскому, чтобы подготовить и вовремя защитить кандидатскую диссертацию. Он предметно изучал группы Ли автоморфизмов дифференциальных уравнений на многообразиях. Борис Дмитриевич вернулся на физмат практически в одно время с Г.Н.Петровским и Н.П.Морозовым. В это же время на факультет пригласили работать В.Г.Иванова, А.М.Сазонова и других молодых преподавателей — физмат расширялся. Чеботаревский привнес на кафедру алгебры и геометрии, да и в целом на факультет, свежий, мощный научный импульс. Он представлял известную на весь Советский Союз научную школу международного масштаба, школу профессора Ведерникова, поэтому как ученый сразу стал интересен всем преподавателям физмата. Курсы лекций по геометрии формировал и читал основательно, превнося в них самые современные идеи и наработки. Даже мы, молодые преподаватели, ходили его послушать и, признаваясь, не всегда сразу схватывали содержание материала, который давал Борис Дмитриевич своим студентам. Чеботаревский и на своих лекциях использовал самый современный на то время язык математики.

Когда Борис Дмитриевич вернулся из аспирантуры, из ученых-геометров на физмате активно и плодотворно работал только А.К.Лапковский, Е.В.Коробенок уехал в Витебский пединститут. Однако вскоре в эту науку пришли В.Г.Иванов, А.М.Сазонова, затем к нам из Пскова приехал ученик И.М.Яглома доцент В.А.Сорокин. Эта группа талантливых геометров и на нашей кафедре, и на факультете была заметной — все личности неординарные, представители разных научных школ — они органично дополняли друг друга и в исследованиях, и в учебном процессе. Кстати, и в повседневном общении тоже! В середине 80-х к ним добавились и Сергей Васильевич Дужин. Он закончил МГУ им. М.В.Ломоносова, там же аспирантуру, в Москве сразу не обустроился и приехал в родной для него Могилев. На нашей кафедре он проработал три года, но все это время он больше всего общался и сотрудничал с Чеботаревским. Они просто нашли друг друга. Одним из результатов их совместной работы стало научно-популярное издание "От орнаментов к дифференциальным уравнениям". Свободная, легкая форма изложения сложнейших математических идей и теорий, высокая общая культура и изысканный вкус авторов сделали эту книгу сначала привлекательной, а затем и недоступной для приобретения. Неудивительно, что ее потом издали в США и Японии.

Тамара Чеботаревская пришла работать на кафедру методики преподавания математики, к профессору А.А.Столяру. И на этой кафедре у нас царил атмосфера интенсивного научного поиска. В частности, Абрам Аронович увлек многих своих учеников и сотрудников вопросами обучения математике дошкольников и младших школьников. Эти научно-методические проблемы заинтересовали и Тамару. Борис занимался наукой непрерывно, Тамара же

вынуждена была "отвлекаться" на рождение детей — сыновей Сергея и Андрея. Увеличение семей еще больше переплело нашу жизнь. И Чеботаревским, и Радьковым ректор выделил жилье в студенческом общежитии — в одном коридоре, напротив друг друга. У нас с Татьяной было две комнаты с выходом каждой в коридор. А у Чеботаревских — двухкомнатная квартира, даже со старой печкой, которая уже давным-давно не использовалась, общежитие обогревалось паровым отоплением. Кухня у нас была общая на всех — Радьковых, Чеботаревских и живущих рядом с нами студентов. Сергею Чеботаревскому в это время было лет пять, и все свое свободное время он проводил в коридорах общежития. Часто бывал и у нас. Мне было интересно наблюдать, как он со мной дразнился — выглядывал из-за угла и приговаривал: "Радьков, Радьков, Радьков". А потом со смехом от меня убежал.

Андрей Чеботаревский родился уже тогда, когда Тамара и Борис жили в общежитии. Его рождение — это целая эпопея. К выписке Тамары из роддома Борис решил истопить печь. Сентябрь выдался прохладным, а центральное отопление, понятно, еще не включили. Но эта печь не топилась десятилетия, поэтому так задымила, так наполнила дымом все четырехэтажное общежитие, что вахтерша с перепуга вызвала пожарных!

Маленького Андрея надо было регулярно купать. Кипяток Борис брал из титана, находившегося в конце коридора. Первую ходку к этому титану Борис ежедневно совершал в пять часов утра. В тихом, сонном общежитии титан включался громким щелчком, заставляя всех просыпаться. Но для самого Бориса такой ранний подъем был совершенно естественным и привычным. Со временем привыкли и мы.

В начале 80-х мы с М.П.Лельчуком увлеклись методикой обучения студентов алгебре и теории чисел. Обучение через задачи, по образцам, тестовые формы контроля знаний — мы экспериментировали, публиковались, бурно обсуждали эти темы на кафедре. А я продолжал соответствующие разговоры с Борисом и дома, в общежитии, в том числе и возле титана. И Чеботаревский втянулся в наши интересы. Плюс ко всему, так случилось, что в это время ушел из жизни В.И.Волченков, на кафедре стало не хватать алгебраистов, и Лельчук угораздило Чеботаревского взяться читать лекционный курс алгебры и теории чисел. Вот с этого времени мы и засели за написание учебных пособий. Работали, в основном, вдвоем: Лельчук, Чеботаревский и я. Причем отсутствие хотя бы одного из этого состава сразу работу стопорили. Творили в свободное от занятий время прямо на кафедре. И.И.Полевченко вычитывала напечатанные нашей лаборанткой Галиной Акулич тексты и готовила их к печати.

Результаты нашей совместной научно-методической работы вылились сначала в серию ротационных публикаций, а затем и в изданное в 1986 году "Высшей школой" учебное пособие "Практические занятия по алгебре и теории чисел". Студенты нашего физмата пользуются им до сих пор.

Увлечлась научной работой и Тамара Чеботаревская. Она заочно закончила аспирантуру в Минском пединституте им. А.М.Горького и защитила кандидатскую диссертацию по проблемам обучения математике младших школьников. Был забавный эпизод на ее защите. В те времена мы, ученики профессора Столяра, практиковали помогать друг другу, поддерживать товарища в организации исследований и даже непосредственно во время защиты диссертации. Работа у Тамары Матвеевны была основательной, за ее успех мы не переживали, поэтому выступление на защите профессора Д.И.Водзинского нас просто шокировало. Он вдруг громко, возмущенно заявил, что автореферат диссертации Чеботаревской не соответствует ни теме, ни содержанию этой работы. Не растерялась только сама Тамара Матвеевна. Она с места спросила:

— Доминик Иванович, а чей автореферат у вас в руках?

Водзинский глянул на обложку брошюры, и он сам, и все присутствующие на защите поняли, что у него в руках автореферат другой диссертации. Такого взрыва смеха на защите никогда не было. Проголосовали все члены Совета в пользу Тамары Матвеевны единогласно.

Профессор Столяр привлек своих учеников к написанию учебников по математике для школьников младших классов. Тамара Матвеевна в этих авторских коллективах со временем стала, пожалуй, заглавной. Она и сама обладала высокой математической культурой, да и Борис Дмитриевич был рядом. А математическое чутье у Чеботаревской было превосходным. После ухода из жизни профессора Столяра Тамара Матвеевна стала и фактически главной в авторском коллективе. Написанные Т.М.Чеботаревской, В.В.Николаевой, Л.А.Бондаревой учебные комплексы по математике для начальной шко-

лы издавались 18 раз! И продолжают издаваться. Тамару Матвеевну знает вся Беларусь.

М.П.Лельчук уехал на постоянное местожительство в Израиль. А наша книга "Практические занятия по алгебре и теории чисел" разошлась по вузам страны. И коллеги-алгебристы вдруг нам заявили, что мы написали только для себя, то есть под свою трактовку учебной программы по соответствующей дисциплине. Они в целом были правы, так как том пособия мы приводили разбивку учебного курса на практические занятия, последовательность и темы которых определяли сами. Тогда мы с Борисом Дмитриевичем решили писать новое учебное пособие, сделав разбивку программы не на практические занятия, а крупные темы, добавив к ним компактное и логичное изложение теории и творческие задачи. Работали вдвоем: между лекциями, по вечерам, выходные и праздничные дни. Тамара и Татьяна как-то рассказывали, что в воскресенье вечером прогуливались возле учебного корпуса университета и во всем громадном шестизэтажном здании увидели только одно свтящееся окно, в котором просматривались склоненные над рабочим столом головы — Чеботаревского и Радькова.

Писали мы с Борисом Дмитриевичем поначалу только вдвоем, четыре первые темы у нас "вылетели" на одном дыхании. Но пришло лето, начались отпуска. Мы с Татьяной решили ехать работать в пионерский лагерь под Новоросийск, взяв с собой своих детей. Все Чеботаревские оставались в Беларуси. Мы с Борисом Дмитриевичем решили оставшиеся 20 тем пособия разделить пополам, за лето их написать, а затем в сентябре уже вдвоем окончательно "отшлифовать". Я поволол на юг целую сумку книг, чем всех своих друзей привел в изумление. Но возле моря работалось замечательно, я написал все десять тем. С настроением нахожу в конце августа Чеботаревского и показываю ему большую стопку исписанных листов. А Борис Дмитриевич не радуется, более того, опускает глаза. Я настаиваю: "Боря, а где твои темы?". Борис Дмитриевич виновато говорит, что так и не смог за них сесть. Что делать, решили мои темы вычитать, а потом вместе писать оставшиеся. Сроки поджимали, до 1 октября 1991 года мы должны были отвести рукопись в издательство. При этом мы знали, что наш минский коллега профессор Л.Б.Шнеперман пишет классический учебник по алгебре и теории чисел и тоже должен подготовить рукопись к 1 октября. Конкуренция! Издательство по одной учебной дисциплине два пособия одновременно вряд ли возьмется печатать, кого-то отнесут на более поздние сроки или вообще в публикации откажут.

Нам вдвоем работать было комфортно. Уже спустя годы мы с Борисом Дмитриевичем решили, что это было лучшее время нашей с ним работы на физмате. Мы дополнили друг друга. Чеботаревский был более профессионален как ученый-математик. Мне же часто приходилось его удерживать при погружении в глубины этой науки. Все-таки мы писали не научную монографию, а учебное пособие для студентов. Был по этому поводу один интересный эпизод. Когда мы сдали рукопись своего пособия в издательство "Высшая школа", главный редактор Л.В.Духвалов нас по-дружески спросил, чей вклад в написание этой книги больший? Я промолчал, а Борис Дмитриевич с присущей ему неторопливостью и основательностью излагаемых мыслей сказал: "На мой взгляд, выделить кого-то невозможно. Это действительно совместная работа".

Я с ним полностью согласен.

Еще одна важная особенность, без которой мы бы не смогли подготовить эту книгу, просто не осилили бы полный объем работ по ее изданию. Это — сало! Мы его брали из дома и ели с черным хлебом во время работы над рукописью. Оно заметно восстанавливало силы, не приедалось, ему не нужен был холодильник. Мы с Борисом Дмитриевичем поехали в Минск 1 октября, ночным поездом, пешком во дворе на парашуте в 7 часов утра развернули свои пакеты с салом, подкрепились и пошли сдавать рукопись редакторам. Интересно, что сало с Чеботаревским мы до сих пор нарезаем по разному: я — довольно крупными кусками, а он — тоненькой-тоненькой соломкой.

Мы оба понимали, что в соперничестве с Л.Б.Шнеперманом мы можем выиграть только за счет оригинальности пособия. Но эта оригинальность должна отражаться и в названии книги. Борис Дмитриевич неожиданно предложил ее назвать атласом. Ведь атлас — это не только привычное название сборника географических карт. Атлас изначально — это совокупность документов, правил, инструкций, помогающих определить нужный путь, вернуть дорогу. Вот мы и предложили студентам книгу "Алгебра и теория чисел. Атлас для самостоятельной работы", помогающую им найти маршруты рационального изучения этой математической дисциплины. Кстати, Лев Борисович

к 1 октября рукопись своей книги подготовить не успел, издавался уже позже. А мы с Борисом Дмитриевичем успели — работали ведь вдвоем и с удовольствием.

С Чеботаревскими мы действительно были переплетены, причем не только работой на физмате. Мы их втянули и в поездку на Черное море для работы вожатыми в пионерском лагере “Орленок”. Они приехали нам на смену. Встретились мы как родные, и в тот же день поздно вечером пошли на море купаться. Дольше всех на волнах плескались Валера Барашков и Борис Чеботаревский. Причем Борис плавал шумно, с фырканьем, загребал широко и мощно. Они пробовали соревноваться, но Барашков Чеботаревскому заметно уступал, а поэтому вышел из воды раньше и присоединился к нашей компании. Мы сидели у костра, пили местное вино, радовались встрече с друзьями. Борис чуть позже тоже вышел на берег и скрылся за большим валуном. И там почему-то затих. Мы его зовем, а он не выходит. Наконец, Барашков не выдержал, пояснил:

— Мы с ним плавали нагишом, раздевались за этим валуном. А я, когда уходил, забрал всю одежду Чеботаревского. Пусть немного посидит за этим камнем.

После выхода из печати “Атласа для самостоятельной работы”, я с десятью авторскими экземплярами зашел к нашему с Чеботаревским физматовскому другу, первому заместителю министра образования Г.Н.Петровскому. Поделился радостью. И Петровский тут же предложил нам проект — написание учебников по математике для 5—7-х классов. Борис Дмитриевич, обдумав эту простую задачу, сразу сказал, что без Латотина нам с ней не справиться. Мы — вузовские преподаватели, и так, как Леонид Александрович, школьные программы и соответствующие требования, методики не знаем. Латотин работать с нами согласился, мы даже несколько раз собирались втроем обсудить планы предстоящей работы. Но меня уже назначили первым проректором, мы с ректором решили на базе нашего пединститута создавать классический университет, а это принципиально новая структура, иные учебные планы и программы, открытие научных специальностей, создание Совета по защите диссертаций. И докторская диссертация у меня шла к завершению. Я понял, что в авторском коллективе буду числиться номинально, а это не по мне. Честно сказал своим друзьям Борису и Леониду, что от участия в проекте отказываюсь, а если они вдвоем продолжают работу, буду, как могу, помогать.

Работа над учебниками по математике для средней школы от 5 до 11 класса — это целый пласт жизни Бориса Дмитриевича. Мы им с Латотиным выделили в университете отдельную лабораторию, оснастили её соответствующим оборудованием, и они там буквально поселились. Каждый день, с раннего утра до позднего вечера, отвлекаясь только на лекции, в выходные дни и во время отпуска Борис Дмитриевич и Леонид Александрович творили. Их критиковали за сложность формулировок, за иногда трудно читаемый текст, за непростые задачи..., но они продолжали работать. Я знаю, что другие авторские коллективы пытались их сместить, заменить. Бывало, что это удавалось. Но практика показывала, что учебники Чеботаревского и Латотина продолжают оставаться лучшими.

Когда мы с Борисом Дмитриевичем в издательстве “Высэйшая школа” поинтересовались у главного редактора Л.В.Духвалова размерами гонорара за “Алгебру и теорию чисел. Атлас для самостоятельной работы”, он, улыбувшись, сказал:

— Коллеги, я помог вам создать для себя прижизненный памятник! О каком гонораре вы еще говорите?

Гонорар действительно оказался небольшим. Учебники по математике Чеботаревского и Латотина выдержали 18 изданий и продолжают печататься. Однако гонорары за них до сих пор остаются, можно сказать, условными. Чеботаревские (как и Латотины) на них не разбогатели. Так и продолжают жить в скромной старой квартире “хрущевке”, имея в доме только самое необходимое.

В написании учебных пособий для детей крайне важна преемственность, особенно от начальной школы к среднему ее звену. Белорусской школе в этом повезло, так как для начальных классов учебники по математике писала Тамара Чеботаревская, а для 5—11-х классов — Борис Чеботаревский. Преемственность обеспечивалась семьей Чеботаревских, низкий им за это поклон.

Совместная работа и дружба с Чеботаревскими многому меня научила. Например, я понял, почему школьным учителям не нравятся новые учебники. Потому что они — новые! Их надо заново изучать, а там много незнакомого, непривычного — они ведь подготовлены в соответствии с новой учебной программой. Появление новых идей и подходов к обучению математике у школьных учителей иногда вызывает даже стресс. И мы это видели непосред-

ственно, когда в 1983 году в советские школы поступил учебник по геометрии под редакцией академика А.В.Погорелова, в основу которого была положена теория множеств. В нем вместо привычных признаков равенства треугольников были признаки конгруэнтности, вместо привычного вектора как направленного отрезка — параллельный перенос. Многие учителя сразу ушли на пенсию или поменяли работу. А ведь дело было в недостаточной математической культуре наших школьных коллег. И мы с Борисом Дмитриевичем решили им предметно помочь. Следуя идеям великого немецкого математика Феликса Клейна, мы подготовили для института повышения квалификации курс лекций “Элементарная математика с точки зрения высшей”. Методист этого института, тоже выпускница нашего физмата, В.Я.Шустикова медленно включила нас в учебный процесс, но учителя в восторг от наших лекций не пришли. Они требовали от нас прежде всего решения тех задач из новых учебников, которые им не поддавались, и только.

От исследований в области геометрии Борис Дмитриевич со временем отошел. На то были и объективные причины. После смерти его научного руководителя профессора В.И.Ведерникова изучение проблем геометрии в Беларуси практически сошло на нет. Уже в должности министра образования я вдруг обнаружил, что в Беларуси нет ни одного, даже кандидатского, Совета по защите диссертаций в области геометрии. В то же время и Бориса Дмитриевича, и меня в стране уже признавали как специалистов в области теории и методики обучения математике. Мы на нашем факультете открыли Совет по защите диссертаций в этой области, к нам стали приезжать для научных консультаций коллеги из всей Беларуси. Я говорил Борису Дмитриевичу: “Оформи докторскую диссертацию по теории и методике обучения математике, ты же один из авторов концепции обучения математике в общеобразовательной школе, самим же во многом реализованной через учебники и методические комплексы для учеников и учителей. Мы вместе с тобой разрабатывали современные методики обучения математике будущих учителей и тоже закрепили их в учебных пособиях для студентов. У тебя будет безупречная диссертация, она обобщит все твои мысли и наработки, она людям нужна. Оформляй!”. Борис Дмитриевич молча меня слушал, не возражал, но и за диссертацию не брался. То же самое я говорил и его Тамаре. Может быть, причиной этого нежелания заниматься докторскими диссертациями стала их семейная трагедия?

Старший сын Чеботаревских Сергей закончил Могилевский машиностроительный институт и ушел служить в систему МЧС. Женился, воспитывает сына. Хорошая, красивая семья.

Младший, Андрей, закончил наш физмат. Как способного, перспективного выпускника его оставили работать в университете, на нашей кафедре алгебры и геометрии. Мне с Андреем было комфортно, я же знал его с пеленок в полном смысле этого слова. Высокий, красивый, умный парень. Мы с отцом Андрея решили определить его ко мне в аспирантуру и поручить исследование реализации в школьном курсе основных математических линий: числа, аксиоматического метода, алгебраических операций и других. Параллельно использовали Андрея как нашу подмену, поручая ему проводить занятия и читать лекции во время нашего отсутствия. Нареканий к нему никогда не было. Заканчивал Андрей диссертацию, когда я уже работал министром. Но на Совете по защите диссертаций я еще председательствовал. Докладывался и защищался Андрей основательно, и голосовали за него единогласно. Я видел, как гордились своим сыном его родители. Но в жизни не все так просто. Уж не знаю, кому не понравился Андрей или его работа, или его родители, или его научный руководитель — в ВАКе выступили против его диссертации. Об этом мне сказал сам председатель ВАКа академик А.Н.Рубинов. В хорошем качестве диссертации Андрея я не сомневался, к тому времени был знаком со многими работами такого рода, поэтому сразу спросил, читал ли эту работу сам Анатолий Николаевич? Он честно признался, что не читал, но ведь министру так просто не откажешь, обещал лично диссертацию Андрея изучить. Потом позвонил и принес свои извинения. Сказал, что за формальными требованиями его коллеги иногда не видят хорошую работу, а от диссертации Андрея Чеботаревского он получил удовольствие. Андрей стал кандидатом наук.

Трагедия в семье Чеботаревских, а значит, и на наш физмат, пришла с совершенно неожиданной стороны. Мама Тамары Матвеевны свои последние годы жила в Могилеве, в небольшой однокомнатной квартире по улице Лазаренко. Все Чеботаревские ее регулярно навещали, ходили пешком со своей улицы Якубовского в том числе и по нашей улице Вавилова, мы как раз жили посередине этого маршрута. После смерти бабушки туда практически

переселился Андрей, ещё даже не женатый. Но родители к нему приходили часто. В тот вечер Борис Дмитриевич как обычно пришел к Андрею, и с порога услышал запах газа. Он сразу понял, что утечка из газовой колонки, перекрыв все вентили и стал искать сына. Андрей лежал в ванной без сознания. Надышался газом и Борис Дмитриевич, но он смог вытащить Андрея в коридор и сам после этого потерял сознание. Приехавшие службы спасения Бориса Дмитриевича к жизни вернули, Андрея уже спасти не удалось...

После нашего переезда в Минск мы с Чеботаревскими виделись нечасто. Борис Дмитриевич, если по делам был в столице, всегда заходил ко мне в министерство, и мы долго обо всем говорили. Я поддерживал все проекты Чеботаревских, пытался увеличить гонорары за подготовку школьных учебников, сдерживал нападки их оппонентов. После моего назначения на работу в Администрацию президента и эти контакты сократились, чему причиной была прежде всего моя занятость. Но все, что мы создавали вместе с Чеботаревскими, живет! И теперь мы с Борисом Дмитриевичем возобновили сотрудничество, работаем над научно-популярной книгой “Шедевры математической мысли”. И опять взахлеб обсуждаем ее содержание. Уверены, что нашему физмату она тоже будет полезна.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ СТАСЬКОВ

Коля Стаськов к нам на физмат пришел сразу на 2 курс, после двух лет учебы в Военно-инженерной академии им. Ф.Э.Дзержинского. У него было очень непростое детство. В 14 лет остался сиротой, вынужден был с ранних лет думать о своем будущем. Сразу после школы закончил профессионально-техническое училище, даже успел немного поработать в колхозе. Но уже понимал, что в жизни надо самому себя укреплять, и один из подходящих для этого способов — стать военным. Полное государственное обеспечение, романтика службы в Вооруженных Силах, возможности карьерного роста да еще и красивая офицерская выправка — в те годы мальчишки шли в военные училища с удовольствием, и конкурсы при поступлении там были очень высокие. Стаськову хватало и знаний, и упорства, чтобы поступить в очень тогда престижную военную Академию им. Ф.Э.Дзержинского — один из лучших технических вузов СССР.

Мы никогда не выясняли причины ухода Коли из академии, но догадывались, что они в состоянии его здоровья. По иным причинам способных курсантов не-отчисляли. А то, что Стаськов талантливый физик, и преподаватели, и студенты признали сразу. Его незаурядные способности и полученная в академии общеобразовательная подготовка были очевидны.

Коля сразу вошел во все наши студенческие компании, он был понятным, своим. Учился на физмате очень хорошо, поэтому ни для кого не было удивительным, что его оставили на кафедре общей физики для подготовки к поступлению в аспирантуру. Тогда в Могилеве работали Институт физики и Институт физики твердого тела АН БССР. Стаськов пошел учиться в аспирантуру Института физики, который возглавлял знаменитый академик А.М.Гончаренко. Николай Иванович считает его своим главным учителем. Темой своей кандидатской диссертации, которую писал под научным руководством С.С.Гусева, он выбрал исследование оптической неоднородности и анизотропии полимерных пленок, и защитился довольно быстро.

Хочу особо отметить, что эти два научных института заметно добавили развитию нашего физмата. Там “становились на крыло”, входили в большую науку многие выпускники факультета. Со временем некоторые ученые из этих институтов (тот же С.С.Гусев, В.А.Юревич, А.Б.Сотский) перешли работать на физмат, на факультете была организована научная лаборатория, ставшая, по сути, филиалом Института физики. Мне видится, что это сотрудничество вошло конкретным примером продуктивного взаимодействия академической и университетской науки.

Сколько я знаю и помню Стаськова, столько и ждал от него после успешной защиты кандидатской такой же оперативной подготовки докторской диссертации. И не только я, в этом были уверены все. Е.Е.Сенько, В.И.Веракса, С.М.Чернов, Л.Е.Старовойтов, В.М.Кротов в один голос утверждали, что Николай Иванович вот-вот защитит докторскую. Стаськов действительно развивался, заметно набирал буквально у нас на глазах: освоил основные курсы лекций по физике, экспериментировал в своей научной лаборатории, публиковался, устанавливал связи с крупными исследовательскими центрами, получил ученое звание доцента, стал заведующим кафедрой. Но докторской все не было....

В то же время все на физмате знали, да Николай Иванович этого и не скрывал, что Стаськов занимается пчеловодством. С детства. В наследство от дедушки и бабушки ему досталась пасека (больше 30 семей) в районе деревни Польшовичи, под Могилевом. Пчелами Николай Иванович занимался с увлечением и, безусловно, в этом деле преуспел. Даже стал продавать мед на городском рынке. Поначалу мы удивлялись, увидев его на воскресном базаре, в фартуке, продающим всем желающим мед. Доцент, все-таки! Это было для нас, коллег Стаськова, не совсем обычно. Но со временем мы привыкли, даже на рынок стало интересней ходить — подойдешь к своему другу-продавцу, поговоришь о жизни, о качестве продуктов, о ценах. Николай Иванович — отличный рассказчик. И историй у него было превеликое множество, причем с классным юмором. Как-то рассказывал, что собрал мед, наполнил им бидоны, банки и вышел, нагруженный до предела, на шоссе Шклов — Могилев. Своей машины тогда еще не имел, стал голосовать. Но никто даже не замедляет ход. У всех свои срочные дела, а тут пока попутчика погрузишь, потом выгрузишь... Так и стоял Николай Иванович долго с поднятой рукой, пока около него не затормозил “Запорожец”. Стаськов загрузился, сел рядом с водителем, осматрелся и говорит:

— Что у тебя за машина? В салоне не повернуться! Колени упираются прямо в крышу!

Водитель молча останавливает машину и показывает Стаськову на дверь:

— Пошел вон!

Сколько Николай Иванович ни извинялся, ни присил — водитель “Запорожца” был неумолим. И опять Стаськов стоял на обочине с поднятой рукой. Эта история тоже вошла в сокровищницу легенд физмата.

Я лично по жизни больше благодарен Стаськову не за физику полимерных пленок, а как раз за пчел. В разговорах с ним и я в этом деле тоже немного “поднаторел”. Узнал, как и когда эти насекомые роятся и как не упустить новую пчелиную семью, какие у них напасти от болезней и клещей, какой мед наиболее полезен, как пчел подкормить, чтобы они выдержали морозы, что рапсовый мед на зиму оставлять нельзя — он кристаллизуется, и пчелы могут пораниться. Это же свой мир и своя наука, причем непростая. И все так интересно! Например, то, что зимой пчелы согревают себя трением друг о дружку, перемещаясь в роеклубке к его середине и обратно. Или то, что попробовав забродивший от жары нектар пчелу стража у летка не пускает домой. Этими знаниями я иногда даже пользовался.

У меня в Министерстве образования помощником работал Виктор Антонович Доронкевич. Страстный пчеловод. Таким же был и мой близкий друг ректор Белорусского педагогического университета им. Максима Танка Петр Дмитриевич Кухарчик. Кабинет Доронкевича был в приемной напротив кабинета министра, и Кухарчик, приходя ко мне с докладом, вначале заходил к моему помощнику. И после доклада опять шел к нему. Они увлеченно обсуждали проблемы пчеловодства. А я над ними подтрунивал. Говорю, например, Кухарчику:

— Видел случайно, как в магазине Доронкевич покупал мешок сахара. А вы, Петр Дмитриевич, не забыли своих пчел на зиму подкормить?

Или, между делом, рассказываю Доронкевичу, что Кухарчик закупает бидоны. Виктор Антонович смеется:

— У него точно столько меда нет!

Среди моих друзей был еще один пчеловод — начальник Витебского областного управления образования Иван Антонович Щурок. Правда, пчелами он стал заниматься перед уходом на пенсию. Рассказывал мне со слезами на глазах:

— Купил осенью несколько пчелиных семей, а в сильные морозы перенес все домики на веранду дачи. Приехал по весне посмотреть своих питомцев, а они все мертвым ковром покрыли пол. Пригрело солнце, они вылетели, а помещение ведь закрыто...

Непростая это наука — пчеловодство. Powerful немногим, в частности, таким, как Николай Иванович Стаськов. Я иногда задумывался над тем, что значимость пчел для человечества отмечали именно известные мне физики. На нашем физмате — Николай Стаськов, в Министерстве образования — Виктор Доронкевич и Петр Кухарчик, во всем мире — Альберт Эйнштейн. Именно Эйнштейн утверждал, что если на Земле исчезнут пчелы, то человечеству тоже предстоит голодная смерть. Пчелы ведь основные опылители растений.

Я случайно узнал, что в 2019 году на базе Института повышения квалификации Могилевского университета им. А.А.Кулешова открыли специальность “Пчеловодство”. И желающих учиться этой профессии оказалось немало. Уверен, что в этом полезном деле Николай Иванович Стаськов был и остается заглавным. Он и его пчелы — это тоже мой физмат, яркий и многогранный.

(Продолжение следует.)